

478 Глава IX Философия в XIV веке

может в свою очередь объясняться разными условиями, такими, например, как расстояние, на котором воспринят объект, качество воображения и мышления, наконец воля, которая у взрослых людей играет значительную роль, поскольку от нее зависит, фиксировать ли мышление на данном объекте или нет. Кстати, именно поэтому чувственное познание, более зависимое от предмета, нежели интеллектуальное, застраховано от многих ошибок, в которые интеллект позволяет воле себя вовлечь.

Учение Ауреоли предлагалось назвать «концептуализмом» (Р. Дрейлинг) — такое название удачно хотя бы в силу того, что закрепляет в памяти ведущую роль концепта в этом учении; с другой стороны, оно подчеркивает номиналистские тенденции последнего, которые вполне реальны, если определять номинализм с точки зрения томистской доктрины концепта. Но если за эталон номинализма принять учение Оккама, то Ауреоли все еще реалист, и даже в большей степени, чем он сам об этом говорит. Впрочем, он не мог избежать сущности — может быть меньше, чем Дуне Скот, хотя и больше, чем Фома Аквинский. Верно, Ауреоли отрицает, будто род («животное») или вид («человек») существуют вне интеллекта, в реальности, ибо утверждать это означало бы для него возвращаться к ошибке Платона. Но Дуне Скот тоже не признавал актуального существования за видами и в еще меньшей степени — за родами. Напротив, с того момента, как Ауреоли упразднил всякую умопостигаемую форму как связь между вещью и понятием, он сделал томистское абстрагирование не только излишним, но попросту невозможным. Тем самым Ауреоли был вынужден полагать вещи как сущее, как таковые, как умопостигаемые с помощью понятия. Это он и сделал, поместив предмет понятия в «природу», или в «чтойность» предмета. Делая это, он устранял томистский умопостигаемый вид, который, кстати, ошибочно понимал как предмет промежуточного знания; но он с неизбежностью возвращал при-

роду, или «чтойность», Авиценны: «*rosa ista quam aspicit intellectus, et forma ilia specularis quae terminat mentis intuitum, ilia non est natura singularis, sed natura simpliciter et quidditas tota*»*. Высказываясь таким образом, Ауреоли оказывается в большей степени привержен интуиционизму сущностей, нежели концептуализму: рассматривая розу или человека, «форма-зеркало» (*forma specularis*), на которой останавливается взгляд интеллекта, — это просто природа, или «чтойность» («роза», «человек»): «*Conspiciendo enim hominem vel rosam, non terminamus aspectum ad hanc rosam, vel illam, vel hominem istum, vel ilium, sed ad rosam, vel hominem simpliciter*»**. Ауреоли последовательно применяет свой принцип экономии: «*frustra fit per plura quod fieri potest per pauciora*»***. Это приводит к тому, что ему приходится следовать такому принципу по отношению к самой проблеме. И действительно, его решение состоит не в устранении умопостигаемого вида в пользу концепций, а как бы в устранении всего, даже концепта: «*Ergo ilia forma specularis, vel idolum, vel conceptus, non potest esse aliquid reale, inhaerens intellectui vel phantasmati, sed nee aliquid subsistens*»****. Таким образом, Ауреоли не признает иной реальности, кроме реальности познаваемого объекта и познающего субъекта, как будто сама возможность познания не является как раз тем, что надлежит объяснить.

Быть может, это неизбежная иллюзия — желание исследователя отнести великие события к времени более раннему, нежели то, когда они произошли в действительности. Если бы ничто никогда нигде не началось, то не произошло бы самих событий и нам не о чем было бы рассказывать. Направление Дунса Скота зародилось только вместе с Дунсом Скотом, а оккамизм — с Оккамом. Что верно, так это то, что всякая философская реформа является